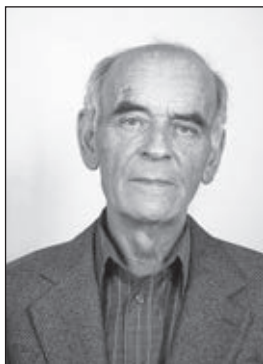

Вспоминая Владимира Ильича Тасалова (1929–2012)

Григорий Стернин

Многочисленные и очень переменчивые жизненные события не раз испытывали волю и характер Владимира Ильича Тасалова, ушедшего из жизни, когда оставалось всего лишь несколько дней, чтобы достичь восьмидесятитрехлетнего возраста. Хорошо известная биографическая хроника постоянно напоминала, что он был почти ровесником многих его современных коллег и довольно часто – единоверцем в их твердых жизненных принципах. Этим внешним сходством дело не ограничивалось. О сути добавить необходимо – В.И. Тасалов оказался из тех, кто завершал собою предшествующее столетие. Хочется высказаться и решительнее: были причины для того, чтобы В.И. Тасалова именовали «человеком 60-х годов», ясно заполнив это типовое реноме рубежа 1950–60-х годов. Судьба властно и своенравно распорядилась фактами повседневной жизни. Хронология сама по себе фиксировала очень важный и ответственный счет его сложной и жесткой биографии.

Различные грани теоретической мысли В.И. Тасалова никак нельзя идентифицировать с послужным, достаточно своевольным списком ученого, и это – характернейшая сторона его интеллектуального кругозора. Строки о памяти В.И. Тасалова требуют сразу же начать с того, чтобы в этих кратких заметках обозначить реальными фактами общественную миссию специалиста, его напряженные поиски творческого самоосуществления. Повторю еще раз: историограф нашей науки, свидетель сравнительно недавних эстетических дискуссий и рефлексий имел достаточно условий узреть и оценить круг шестидесятников их собственными глазами. Жизненные истоки академической и педагогической репутации ученого – предмет его особых дальнейших размышлений над общественным предназначением.

В.И. Тасалов не торопился расширять понятийный аппарат эстетики и использовал реестр специфических дисциплин гума-

нитарного знания, скажем, культурологию, собираясь всячески демонстрировать свою приверженность этому особому виду входящих увлечений.

Вышедшие из печати многочисленные труды В.И. Тасалова не так просто открывают свой смысл любознательному читателю, твердо ориентированному в строгой системе логических координат. Автора легче представить в несколько ином амплуа – в роли почитателя своевольной свободы человеческой фантазии (стоит тут же заметить, что историческая мифология – излюбленная тасаловская ткань поэтического красноречия). Вникая в общественно-профессиональные заботы и проблемы, ученый сделал своим едва ли не главным девизом: «Труд и свобода» – как раз эту формулу Тасалов постоянно держал в голове, откликаясь на мировоззренческие зовы 60-х годов. Ученый настаивал: «Само мировоззрение прошлых веков, при всех его различиях, было гомоцентрическим, обусловленным идеями центричности человека во Вселенной, божественностью и исключительностью человеческого существа в мироздании, венцом которого оно считалось»¹. Применительно к той поре тасаловская идея представлялась исторически вполне конкретной, осязаемой в своей пластической ткани: «Вопрос формулируется таким образом: дает ли современное научное мировоззрение право считать, что уменьшение социального и индивидуализированного “человека” в том или ином произведении не может быть препятствием для отнесения его к художественно полноценному искусству?»² И отсюда же любимая мысль Тасалова шестидесятника: искусство есть слепок реальной общественной свободы человека.

Новое движение в культуре было сформулировано в общем виде как принципы, которые были раскрыты и реализованы в художественно-промышленных школах первых десятилетий XX века. Оно в большой степени подготовило философскую, программно-эстетическую и практическую почву для последующего широкого преобразования всего художественного производства в архитектуре, массовой продукции, а также в сфере традиционных искусств. Знакомясь с теоретическими, художественно-педагогическими принципами В.И. Тасалова, легко убедиться в том, что исследователь оказался необычайно востребованным наступившей эпохой. Хотя бы краткий перечень печатных трудов В.И. Тасалова – наглядное тому доказательство.

Два источника постоянно питают человеческие и творческие мирозидательные импульсы В.И. Тасалова – мыслительная энергия и поэтический аромат. Именно в синтезе этой привлекательной живительной цели – особый вкус автора к постижению вечных тайн мирового бытия. Свою неумолимо растущую потребность ощутить себя, свою личность неотделимой частью Вселенной В.И. Тасалов

совершенно откровенно высказывал во многих своих суждениях и тезисах, склонялся перед величием основных законов природы. Для краткости назову лишь несколько известных научных изысканий покойного автора: «Эстетика техницизма» (1960), «Прометей или Орфей? Искусство “технического века”» (1967), «Очерк эстетических идей архитектуры капиталистического общества» (1979), «Хаос и порядок. Социально-художественная диалектика» (1990), «Светоэнергетика искусства. Очерки теоретического искусствознания» (2004), «Искусство в системе Человек – Вселенная. Эстетика “антропного принципа” на стыках искусства, религии, естествознания» (2007), «...Сквозь магический кристалл искусства» (2011). В виде горького послесловия к сочинениям В.И. Тасалова отмечу: последний его труд был подписан в печать за несколько недель до кончины автора.

Только что перечисленные печатные работы В.И. Тасалова прочно вошли в междисциплинарное пространство гуманитарного знания, властно вторгаясь в суверенные права человеческого духа и разума. Множество новых печатных трудов, давно уже ставших достоянием специальной периодической печати, разумеется, достойны особого аналитического обзора.

В непростой системе условных знаков и терминов титулы тасаловских статей волею автора часто обретали самостоятельный статус научных понятий и категорий. Многие годы В.И. Тасалов выглядел убежденным оппонентом «высокомерного» нового рационализма, и этот прочный целеполагающий взгляд на общественную научную миссию – фундаментальный мировоззренческий принцип автора. Столковывая титул одной из своих главных книг – «Прометей или Орфей», В.И. Тасалов всячески подчеркивал решительное условие такой исторической альтернативы: «Бог ясного света, разума и знания, основатель наук Прометей и божественный певец, сын музы Каллиопы Орфей символизируют сопоставление двух моделей – модели научно-технического прогресса человечества и модели его художественной культуры, взятых в отношении друг к другу»³.

«Магический кристалл» – это знаменитое пушкинское определение – Тасалов воспроизводил в своих поэтических рефренах с особым благоговением и лирическим трепетом. В ряде случаев, а таковых в его текстовых отступлениях было немало, Тасалов-философ, Тасалов-эссеист напрямую обращался к поэтическому чутью читателя. Стоит сказать и по-другому: «Магический кристалл» – своего рода и поэтическая метафора, и условный научно-культурный код. В тасаловском контексте подобное словосочетание обозначает особую смысловую двойственность.

Трансформация аналитических взглядов на метафизическую природу и общественную роль искусства – существеннейшая сто-

рона духовной позиции Тасалова-мыслителя. К проблемам общественной и личной эволюции мировоззренческого кредо эпохи автор возвращается не раз. Вспоминая о сложном творческом пути покойного автора, о его крупных научных достижениях, необходимо сказать еще несколько слов о высказанных Тасаловым глубокими и серьезными тезисах.

«Магический кристалл» и «Человек и Вселенная» – два разноречивых, два антиномичных императива сразу же апеллируют и к читателю, и к самосознанию автора. И в том и в другом случае единство философских постулатов как бы выносятся за скобки.

«Сращение жречества, магизма и первых земных царей как божеств с великими архитектурными и скульптурными сооружениями Древнего мира отодвинуло собственно художников повседневности от их первоначального социального лидерства»⁴.

Впрочем, надежная, долгая память об ушедшем из жизни В.И. Тасалове имеет еще одну, весьма ощутимую ипостась физической реальности. Разумею опубликованные в 2004 году его краткие мемуарные очерки. Они правдиво, почти протоколно зафиксировали конкретный эпизод в духовной биографии В.И. Тасалова, в частности, работу в Отделе эстетики Института искусствознания (в котором он тогда сотрудничал). Не без глубокой удовлетворенности своей связью с честными, откровенными научными схватками в общественно-нравственной сфере личного мира В.И. Тасалов твердо вспоминал о своей роли: «Не могу не сказать о возбужденной всеми мировоззренческими спорами и дискуссиями как внутри сектора, так и далеко за его пределами полемике о сущности так называемой проблемы эстетического. Она захватила многих и в Москве, и в Ленинграде, и в Таллинне и носила как бы “полумистический” (полубеспредметный) характер ровно в той степени, в какой под псевдонимом “эстетического отношения” скрывался ответственный актуальный пересмотр всеобщего (в известном смысле – трансцендентного) положения и миссии творческой свободы человека-художника по отношению к антидиктаторски и антипартократически изменяющейся действительности страны»⁵.

* * *

Апелляция к ведущим принципам художественной культуры обретает решительную силу теоретических постулатов. В частности, например, притягательный тасаловский призыв сильно преобразует общую ситуацию в историческом процессе художественно-производственной деятельности. Специально подчеркнем этот его многозначный тезис: «Расцвет ортодоксального техницизма и разоблачение его одиозной социальной маски приводят в конечном счете к 50-м годам к резкой смене общего взгляда на принципиальное соотношение между искусством и техникой»⁶.

Можно сказать, что извлеченное из пушкинской лексики и обращенное в риторический образ, это понятие – «магический кристалл» – постоянно привлекало и поэтическую фантазию В.И. Тасалова, и подобранный им ключ к истолкованию универсальной жизненной среды.

Выше уже была поименована последняя книга В.И. Тасалова «...Сквозь магический кристалл искусства», и это – не только удачная сентенция крупного мыслителя. Скорее, упомянутый поэтический экспромт воспринимается как исповедальное кредо и автора и слушателя. Упомянутая книга – это еще один уверенный способ проникнуть в творческую лабораторию хозяина сочинения, испытать искуса его поэтического напора.

Ко всему сказанному необходимо добавить еще одно. В своем глубоком знании многосложных путей мировой художественной культуры, в особом умении погружать собеседника в самые сокровенные тайны мирозидательного искусства В.И. Тасалов умел всегда, со всей щедростью доказательств убедить своего очевидца.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Тасалов В.И. Прометей или Орфей? Искусство «технического века». М., 1967. С. 169.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С. 11.
- 4 Тасалов В.И. ...Сквозь магический кристалл искусства. М., 2011. С. 41.
- 5 «Далекое близкое» сектора эстетики. Воспоминания В.И. Тасалова // Дом на Козицком и его обитатели. М., 2004. С. 262.
- 6 Тасалов В.И. Прометей или Орфей? С. 115.

Библиография

Монографии:

- Эстетика техницизма. М., 1960.
- Прометей или Орфей? Искусство «технического века». М., 1967.
- Очерк эстетических идей архитектуры капиталистического общества. М., 1979.
- Хаос и порядок. Социально-художественная диалектика. М., 1990.
- Светоэнергетика искусства. Очерки теоретического искусствознания. СПб., 2004.
- Искусство в системе «Человек – Вселенная». Эстетика «антропного принципа» на стыках искусства, религии, естествознания. М., 2007.
- ...Сквозь магический кристалл искусства. М., 2011.

Статьи:

- Об уровнях формообразующего процесса // Эстетические проблемы дизайна. М., 1978.
- О социоприродной органичности художественного творчества // Искусство и точные науки. М., 1979.
- Природа как внутренний фактор культуры // Природа. 1983. № 12.
- О социоприродном аспекте функции видов искусства в современной художественной культуре // Вопросы социального функционирования художественной культуры. М., 1984.
- Ганс Зедльмайр и дилемма «хаоса» и «порядка» в постмодернизме 50–70-х годов // Искусствознание Запада об искусстве XX века. М., 1988.
- К методологии изучения основных сфер художественной реальности // Современное искусствознание: методологические проблемы. М., 1994.
- Лист зеленый – лист белый. Космогенез культуры как идеальная светоэнергетика формы // Вопросы искусствознания. 1994. № 2–3.
- Парадокс реальности и мнимости предмета культурологии как прерогатива искусствознания // Теория художественной культуры. Вып. 1. М., 1997.
- Человек-художник – между Богом и Машиной // Союз дизайнеров. 1998. № 2; Корневище-2000. М., 2000.
- Человеческое и универсумное в теоретическом искусствознании // Искусствознание. 1998. № 2.
- Наука об искусстве как междисциплинарный синтез // Теория художественной культуры. Вып. 3. М., 1999.
- Искусство в системе «Человек – Вселенная» // Человек. 2003. № 5.
- Самоорганизационность искусства против «агрессивности» истории // Теория художественной культуры. Вып. 6. М., 2003.